

ценный кадр

Возрождению их вещания предшествовал анекдот — когда на «шестой кнопке» транслировали «НТВ плюс спорт», журналисты шутили: «Как мы вернемся на канал? Кара-Мурза выиграл турнир по бильярду, Киселев — по ручному мячу. И тогда нас покажут в сюжете про победителей». В эфир они вернулись. За что боролись, рассказывает Владимир Кара-Мурза.

Собирал, что не доели коллеги

— Правда, что вы с апреля не получаете зарплату?

— Если вспомнить те обещания, учитывая которые наши сотрудники брали ссуды на квартиры, усыновляли и рожали детей, то реальных денег мы не видим уже полгода. А вообще в апреле все получили письмо от гендиректора Руслана Терекбаева о том, что «в связи с войной в Ираке зарплата не предусмотрена». Лиза Листова расплакалась. Я посмеялся и выбросил его. Я-то могу прожить без зарплаты, потому что всю жизнь сгребал блевотину, работая дворником, и не считаю себя телеведущим. А, например, компьютер в программе «Гушите свет», который рисует Хрюна и Степана, не будет работать, если не менять детали. Хотя это должны наши инвесторы понимать? А людей можно оскорбить, мы переберемся.

— Каким образом?

— У меня богатый полугодовой опыт житья без всяких заработков. Когда отключили ТВ-6, я на «Эхо Москвы», где все мы в то время работали, шел пешком: не было денег даже на метро. Один из рекламодателей радиоконстанции — фирма быстрого питания, она кормит сотрудников. Я уходил с работы последним (у меня был ночной эфир)

Владимир Кара-Мурза:

Уйду с ТВС последним

1 июня для ТВС — красный день календаря. Исполнится ровно год, как команда Киселева работает на месте ТВ-6. Вот только дотянут ли...

и собирал, пока никто не видит, в пакетик то, что не доели коллеги: упаковки сока, какие-то салаты в прозрачных баночках. И вот меня он, этот наш гендиректор, хотел испугать, что не даст денег. Сейчас, я слышал, он уходит руководить радиохолдингом ВГТРК. Буду с тревогой смотреть на радиоточку, которая у меня в бильярдной, и ждать, когда начнутся перебои с трансляцией.

— Вам бы о себе подумать.

— Между прочим, сейчас я миллионер. Храню для внуков счет (берет с полки рамку, куда вставлен документ), в котором МНВК признает свою задолженность передо мной (цифра сумасшедшая — около 3 миллионов рублей). Еще в новогоднем выпуске «Обратного отсчета» я выиграл \$6 тысяч и хотел отдать их в детский дом. «Чего, я правда могу деньги забрать?» — не верил я. «Конечно, приходите 25 января, наш бухгалтер будет ждать». А 22 января не то что бухгалтерию — весь канал ТВ-6 закрыли. И при мне кассир разрешила мою кредитную карточку, а это был единственный источник существования всей моей семьи.

— И как вы после такого все еще не уволились?

— Я всегда Киселеву говорю, что уйду последним и сам ключ сдам тем, кто нас в очередной раз захватит... Когда нам не платят, ставят палки в колеса, мешают работать, когда нас бьются — это лучшая похвала за наш труд.

Любимов должен мне тур в Индонезию

— Мне кажется, с палкой по фамилии Любимов, которого прочат в гендиректоры ТВС, вам не справиться.

— В гендиректоры можно хоть убогого инвалида выдвинуть. Роман Абрамович, кстати, по этой части специалист: я слышал, что у него работают инвалиды, из-за чего он миллиарды долларов в казну недоплачивает.

А Любимов одним из

условий назначения поставил то, что приведет на ТВС все свои передачи, свою сетку. Хочу напомнить ему результаты прошлогоднего конкурса: его выиграл Евгений Киселев, и на то есть постановление правительства. А Любимов, Мережко, Демидов проиграли. Саша вообще все конкурсы, где бы ни участвовал, проиграл. У него бракованная, никому не нужная концепция вещания, которая по закону не может быть реализована на канале уровня ТВС.

С кандидатурой Любимова соглашусь с единственным условием — если он обязуется выполнять все мои прихоти. Я выиграл конкурс, я хочу поехать в Индонезию. Закажи гостиницу, дай командировочные. Но не указывай, как и когда мне работать.

— Хорошо, назовут его управляющим. А он возьмет да начнет навязывать вам свою политику.

— Мы будем против.

— Кто ж вас спросит?!

— Подаю иск в Конституционный суд, я уже договорился с его председателем Валерием Зорькиным. Я преподавал историю его дочке.

— А МНВК считает, что вы незаконно заняли их частоту, и борется, чтобы вас отключили.

— Мы тут ни при чем. За нелегальное отключение ТВ-6 судья Ренов, председатель Арбитражного суда Вениамин Яковлев, пристав Федорченко, выполнивший указ министра Лесин признаны судом преступниками. И эти люди, ничтоже сумняшеся, выступают по телевизору, ходят к президенту... Вот что получается: если Ренов, Яковлев и Лесин, скажем, угонят машину, а Федорченко будет стоять на шухере, то тот, кто эту машину купит,

уже не может быть ее лишен. Так же они отняли лицензию у МНВК, выставили на конкурс, и мы ее приобрели.

Я Кричевского сам с Мамутом познакомил

— Вы же не железные. Или безденежье доконает, или неопределенность будущего. Уже самые стойкие ушли — Светлана Сорокина, например.

— Ашот Насибов, я знаю, уволился и купил квартиру в соседнем доме, поставил 9 кондиционеров... Ну, у него же грудной ребенок... В Писании сказано: «Не судите да не судимы будете». Вот я и не сужу тех, кто струсил и сбежал. Но издеваться, высмеивать и пародировать — это я буду всегда.

— И даже того, что на самом высоком посту, не побойтесь?

— Вот того, что нарисован? (Показывает на портрет Путина, играющего в бильярд.)

— Именно.

— Я за него не голосовал, моя совесть чиста.

— А к отстранению Кричевского руку приложили. Вы ведь подписали против него письмо?

— А знаешь, что его еще летом хотели гендиректором назначить? Но тогда почему-то этого не сделали. А теперь, когда мы с Гришей рассорились, инвесторы опять рассматривают его кандидатуру. У нас есть мысль, чтобы я поговорил с одним из акционеров (мы вместе учились в университете) — я один, кто обращается к нему на «ты»... Вот ему нужно в соответствующих выражениях объяснить: если они хотят навредить — пожалуйста, но Киселев под началом Кричевского, бывшего своего подчиненного, работать не станет.

— Это тот акционер, у которого инвалиды?

— Это тот, который придумал закон для того, у которого работают инвалиды. А Гриша в последнее время откровенно хамил сотрудникам. Из-за него ушла Сорокина, после его ухода вернулся Коля Николаев.

— И вам Кричевский хамил?

— Мне Гриша ничего плохого не сделал, я даже лично его с Мамутом познакомил... Ой, вот я и проговорился, с каким олигархом дружу. Меня дольше всех пришлось уговаривать, когда подписывали письмо. Но раз Киселев сказал... Я отношусь к нему, как к майору Евдокимову, который сказал мне во время путча: «Вот твоя баррикада, и сейчас пойдешь разгружать булочки, которые привезли кооператоры из пекарни». И я все 3 дня его приказ выполнял, и мы победили.

Я ненавижу дисциплину и круг общения своего начальника Евгения Киселева, вынужденного ездить в Кремль, в Минпечати, но для меня он — майор Евдокимов. И если Киселев сказал подписать письмо, это не обсуждается. Жизнь, 12 лет совместной работы и то, что я был понятным, когда у Жени печатавали джип, и следил, чтобы туда не подбросили наркотики, убедили меня: если он сказал, что надо от Гриши избавляться — значит, надо.

Заставил Добродеева объявить об отставке

— Киселев часто бахвалится тем, что, если ТВС закроют, ведущих журналистов «расхватают, как горячие пирожки». Вы бы в чьи руки хотели попасть?

— Да ни в чьи. Я же говорю, что телеведущим себя не считаю. Я просто борюсь за свои какие-то принципы. Мне никогда никто ни одной фразы в программу не вставил. Кстате, вот за это благодарен инвесторам. Например, с Берманом и Жандаревым был случай: встретил я одного олигарха нашего в приемной. «Ты чего тут делаешь?» — спрашиваю. «А я хочу выяснить, почему это в «Без протокола» был Коржаков позавчера». — «А что здесь такого?» — «Ты же знаешь, как я к нему отношусь». Ко мне никто с таким вопросом не приходил: на меня где сядешь, там и слезешь.

— Пытались сесть?

— А все знает, еще с университета, что это бесполезно. Даже Добродеев, когда разрушали НТВ, дал приказ со мной не связываться: «Все деньги предлагайте Леше Пивоварову, Лене Парфенову. Только дождитесь, когда Кара-Мурза заснет, тогда и захватывайте». Хорошо, что у меня ночью работает «Эхо Москвы», и я в 5 утра сквозь сон услышал, что в «Останкино» приехали йордановцы. Как на крыльях любви, взбежал на 11-й этаж (лифты заблокировали). Тут Добродеев меня увидел: «Э, а мне сказали, что ты спишь». Я ему: «Что здесь делает председатель ВГТРК? Не вмешивается ли он в спор акционеров частной телекомпании?» Олег сразу растерялся, потому что я один, кто мог ему в лицо все сказать, поскольку он мой родственник, я крестный его единственного сына Бори: «Володь, ты знаешь, я... я ушел в отставку». «Скажи, кто вместо тебя, я ему позволю, удостоверюсь». Он мне опять: «Я ушел в отставку, и вообще не ты олицетворяешь свободу слова». Тут я ему и выдал: «Ты лучше уезжай. По закону о госслужбе преступление, если чиновник разруливает конфликт внутри частной компании». Он исчез, переделся где-то в костюме, чего не собирался делать, вышел к прессе и объявил о желании уйти в отставку с поста председателя ВГТРК. Мне потом звонили из пресс-службы Кремля: «Ты что сделал? Президент не собирался его увольнять, у нас на Добродеева все связано до выборов 2004-го».

— Надо полагать, вы больше с ним не разговаривали?

— Был день рождения у Киселева в поселке Чигасово. 40 машин проехало до меня в гости, 40 машин после. И так случилось, что мои «Жигули» уткнулись в авто, где ехал Добродеев. Выхожу из машины: «Привет». «Здравствуй», — ответил он. Ну, хоть поздоровались.

Олег был мой ближайший друг... Зря он в это влез... Просто я был один, кто мог ему сказать те слова. Я его не оскорблял, единственное, что сделал — вызвал оператора Женю Лагранжа, и мы всю эту сценку засняли. Чтобы наши дети разбирались, кто прав, кто виноват.

■ Ольга Сабурова.

Кара-Мурза — Путину: Моя совесть чиста, Владимир Владимирович. Я за вас не голосовал